

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

3

детской

■ 2014 (177)

6+

УГОЛОК РОССИИ:
Каменная Русь

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Олег Трушин

Под счастливой звездой

Художник О. Ионайтис

Иван Бунин

*Раскрылось небо голубое
Меж облаков в апрельский день.
В лесу всё серое, сухое,
И паутиной пала тень.*

*Змея, шурша листвой дубовой,
Зашевелилася в дупле
И в лес пошла, блестя лиловой,
Пятнистой кожей по земле.*

*Сухие листья, запах пряный,
Атласный блеск березняка...
О миг счастливый, миг обманный,
Стократ блаженная тоска!*

И. Левитан
Март
1895 г.

В номере:

3

Олег Трушин

Под счастливой звездой

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Даниил Санкин

**Мастер золотого века голландской живописи:
Ян Вермеер**

22

УГОЛОК РОССИИ

Сергей Иванов

Каменная Русь

25

РАССКАЗЫ

Юрий Пусов

Мой любимый паровоз

28

ИМЕНА

Валентина Коростелёва

«Сатиры смелый властелин...»: Д. Фонвизин

32

БУХТИНЫ

Светлана Вьюгина

Ворона на льдине

33

РАССКАЗЫ

Павел Гусев

Мама Лида

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное
редактирование

Татьяна Погудина

Зав. производством

Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение

Александр Муравенко

Корректор

Людмила Овчинникова

Главный бухгалтер

Людмила Дьячкова

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Юриконсульт

Виктор Кудинов

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге

агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО «Первая Образцовая
типография»

Филиал «Чеховский

Печатный Двор»

(142300, Московской обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела

продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpk.ru

e-mail: marketing@chpk.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 847

© «Роман-газета», 2014 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Авторов материалов,

использованных в этом номере,

просим обращаться в редакцию

Олег Трушин

ПОД СЧАСТЛИВОЙ ЗВЕЗДОЙ

ПОВЕСТЬ-БЫЛЬ О ВОЛКЕ

Художник Е. Устинова

Черныш родился в самое темнорье, когда ночь встречается с утром, когда на ближнем верховом болоте затрубила журавлиная пара, и проснувшийся на вершине огромной осины глухарь настороженно щёлкнул клювом коленце своей таинственной песни, а над ближней вырубкой протянул невидимый в предрассветных сумерках вальдшнеп.

Он родился пятым, последним, волчонком в логове молодой первоярой волчицы. Оказался слабым и не отличался особой проворностью. Он был чёрен в холке и этим отличался от своих серых собратьев. Когда его старшие братья и сёстры припадали к наполненным сытным молоком соскам, пахнущим материнским теплом, он всегда опаздывал и начинал сосать тогда, когда другие, уже наевшись, мирно ворча, расползались в стороны. Ему часто не хватало молока, и он тыкался сырым носом в живот матери в поисках добавки. Так продолжалось несколько дней, покуда волчица, приметив последыша, не стала подталкивать его первым к обеду. Она лапой отгораживала его от остальных, давая ему возможность первым припасть к еде.

На десятый день Черныш открыл глаза и увидел мир: мать-волчицу, таких же, как и он, братьев и сестёр и тёмную нору логова. На семнадцатый день он вместе с другими волчатами впервые вышел из норы. Щуря глаза от яркого света, они с любопытством таращились на всё, что окружало их логово. О мире, в котором им предстояло жить, они ещё не знали ничего.

Волчата росли быстро.

Их логово находилось под корнями старого соснового кряжа. Когда-то на этом месте росла огромная сосна, но, не выдержав сильного ветра, завалилась на обрывистый берег речушки, потянув за собой огромный пласт земли, оголив яркий песок, оставив глубокую яму под корнями. Под этим сосновым вывертом и устроила себе логово пара молодых волков. Нору раскапывали по очереди. Волчица сама нашла место будущего логова, как только почувствовала, что скоро станет матерью. Она долго бродила по берегу, пока не подыскала подходящее по удобству жилище.

Волчица первой начала копать нору. Волк-самец тотчас приступал к рытью логова, как только волчица отходила в сторону и ложилась. Охристо-бурый, яркий песок вырывался без труда, и за несколько дней логово было готово.

* * *

Молодая волчица-мать долго вылизывала Черныша, не давая ему отползти, согревая, подбирая его лапами ближе к тёплому животу. На ближнем болоте заблеял бекас, застонал кулик-перевозчик, кем-то стронутый с болотистой мочажины — напитавшейся водой кочки. В болоте ухала неясность, прощаясь с ночью, и где-то далеко, на самой окраине топей ей откликнулась другая. Свист утиных крыл разрезал воздух, а над болотиной тянулся едкий, густой туман.

Рассвет нового дня ещё только начинался, и на небосводе яркой звездой светилась нисходящая Венера. Её окружали большие и малые звёзды, угасающие с каждой минутой рассвета, а Венера, по-прежнему дополняя молочный полусерп луны, ярко светила над лесом.

Волчата тонко скулили, слепые и беззащитные, тянулись к матери, требуя тепла и молока. В волчьем логове началась новая жизнь. Волк-самец теперь в логово не заходил. Волчица-мать не подпускала его близко к детёнышам и была постоянно при волчатах. Придя с охоты, он залегал в нескольких метрах от логова в гуще можжевелевой поросли, откуда было далеко видно русло реки. Теперь волк-отец должен был охранять логово и волчат от врагов. Поиск добычи стал теперь его главным делом — нужно было кормить волчицу с волчатами. Он старался охотиться на всё лесное зверьё, без разбора, ловил в реке рыбу. Иногда заходил в деревню, откуда приносил гусей и кур. Однажды он едва не поплатился жизнью, застигнутый врасплох у самой деревни охотниками-волчатниками. Он почуял их раньше, нежели они увидели его и принялись стрелять из ружей. Волка спас лес.

* * *

Черёмуховые холода в ту весну задержались надолго. Дождило. Даже яблоневый цвет сошёл раньше обычного. Долгожданное тепло пришло лишь в самом конце мая, после проливных дождей. Наступало лето.

Волчата всё меньше времени проводили в логове, предпочитая свежий воздух тёмному уюту норы.

С каждым днём подрастающие волчата требовали всё больше пищи, и волки-родители были вынуждены задерживаться на охоте надолго.

Черныш был самым любопытным и смелым волчонком. Вовсе не обращая внимания на своих сестёр и братьев, он порой в одиночку далеко уходил от

логова. Чаще всего он спускался к реке и ловил на прибрежном мелководье лягушек. Эта охота доставляла Чернышу огромное удовольствие. Он плескался в воде, скрадывая лягушек, а наигравшись и наохотившись, укладывался на плотный берег, там, где земля была устлана мягким и нагретым на солнце мхом-сфагнумом, по которому росли кустики черники и голубики. Иногда Черныш устраивался прямо за логовом, и ему было хорошо видно, что происходило возле норы. Так он мог подолгу лежать в ожидании родителей. Иногда Черныш дремал, положив голову на вытянутые лапы. Врождённый инстинкт всегда держал волчонка настороже — даже во сне. Сорочья стрекотня, пронзительный крик соек настораживали его, так как явно предупреждали об опасности. И однажды это спасло ему жизнь.

В один из солнечных деньков Черныш, наигравшись с другими волчатами, не вернулся в ложе логова, а залёг на тёплом мхе в густых можжевельных зарослях. Вдруг он услышал непонятные и неведомые ранее звуки. Это был разговор людей, которые неожиданно появились у логова. Их было двое. Черныш хорошо видел, как они ходили возле норы, отшвыривали ногами кости, раскиданные после волчьего пиршества. Один из них, встав на колени, попытался заглянуть в глубь норы, а потом, поднявшись, долго о чём-то разговаривал со своим напарником.

Волчата находились в норе. Причуяв людей, они затихли. Черныш плотно прижался к земле, внимательно наблюдая за людьми.

Как люди нашли волчье логово, Черныш, конечно, не знал. В ту пору, когда человек неожиданно набрёл на только что обустроенное волками логово, он ещё не появился на свет. Тогда люди решили выждать время.

И вот они пришли к логову тогда, когда волчата подросли и немного окрепли.

Люди стали раскапывать нору, откидывая далеко в сторону плотный песок. Через некоторое время они достали из разорённого логова скулящих волчат, погрузили их в холщовый мешок и тронулись в путь. Люди ушли той же тропой, по краю лесной речки, и Черныш слышал, как чавкала под их сапогами болотистая земля на том берегу, где рос ольшаник.

То, что люди забрали волчат, видел не только Черныш, но и волчица. Она подошла к логову как раз в тот момент, когда люди начали раскапывать нору. Она затаилась в густых зарослях молодых ёлочек, гуртом росших у речного берега, и сосредоточенно наблюдала за происходящим. Волчица ещё не знала, что из всего её выводка уцелел лишь один Черныш. Так же, как и она, он со страхом наблюдал за происходящим. Заявить о себе, выдать своё присутствие, заступиться за волчат волчица-мать не могла. Страх перед человеком сковывал её. Она видела, как люди навсегда уносили от неё волчат, и ничего не могла с этим поделать. Над лесом, тяжело взмахивая кры-

льями, пролетел ворон. Усевшись в самую гущу еловой кроны, он тревожно гакнул несколько раз и, слетев, скрылся за лесной грядой.

После того как шаги людей стихли, волчица ещё долгое время не выходила из своего укрытия, опасаясь их возвращения. Она не хотела подходить к разорённому логову, топталась на месте, поскуливала, но материнский инстинкт всё-таки заставил её приблизиться к осиротевшему дому.

Приближаясь к логову, волчица слышала шорохи в можжевельной поросли. Остановилась. И тут ей навстречу выскочил волчонок. Это был Черныш. Чудом оставшийся в живых волчонок закрутился вокруг матери, стараясь прижаться к её ногам.

Волчица не подошла близко к разорённому логову. Она спустилась к реке и стала жадно пить проточную воду. Начинало темнеть. Нужно было уходить от ненавистного ей опасного места. Люди могли вернуться сюда вновь. Она не стала дожидаться волка. Отец семейства сам вскоре нашёл её по следам в старом горельнике.

Волки обустроили себе новое логово. После постигшей их беды они нашли своё пристанище в старом горельнике под ворохом полусгнивших, обугленных в пожаре деревьев, что однажды, во время санитарных работ в лесу, сгрёб бульдозер в бесформенную кучу.

Волчица-мать сама выбрала это место, подальше от того, где люди разорили её прежнее логово. Теперь каждый раз, возвращаясь в свой новый дом, волки переходили канаву, наполненную водой. Вода там не пересыхала даже в жаркие летние дни. Так волки прерывали водным потоком свой след-тропу, маскируя её.

За лето Черныш окреп, подрос. Он забыл о трагедии, которая случилась с его братьями и сёстрами. Черныш жил новой жизнью.

Люди редко заходили в горельник летом. Пустой, с иссохшими чахлыми соснами, местами заболотившийся, он тянулся на десятки вёрст. Волки крайне редко слышали человеческие голоса ненароком приблудившихся грибников или ягодников, бродящих по кромке горельника. Лишь однажды Черныш вновь увидел людей. Это случилось неожиданно. Черныш расположился на мягкой моховой подстилке, нежился в лучах вялого августовского солнца.

Сначала Черныш услышал шаги, а потом увидел людей. Хорошо чувствуя опасность, волчонок прильнул к земле и стал тревожно наблюдать, как люди собирали ягоды. Они разговаривали меж собой, отмахивали руками наседавших слепней. Люди ушли так же неожиданно, как и пришли. Это была вторая встреча волчонка с людьми — его врагами. Он старался больше не выходить на эту брусничную поляну, предпочитая молодую сосновую посадку-самосев, что росла по бугру гари.

В первый год жизни Черныша осень пришла рано. Прохладные росные ночи августа сменились холодными дождливыми днями сентября. Вымощанный дождём и прихваченный холодом ночи, быстро пожелтел берёзовый лист, зардели багрянцем осины. Налился медью папоротник, и появились в лесу дружные осенние грибы. День-деньской не смолкало по лесам ауканье грибников. Потихоньку, ото дня ко дню приближалась пора шумного листопада. Стая за стаей потянулись с родных просторов перелётные птицы, и вот уже журавлиные караваны огласили прощально-томительным курлыканием синеву сентябрьского неба. Иногда Черныш подолгу смотрел, как хаотично кружили над гарью эти огромные, долговязые, с широким размахом крыльев птицы. А потом, выстроившись в ровный клин, улетали в неведомую даль.

До первых зазимков молодая волчья семья держалась на старом горельнике. В свою первую осень на зорях Черныш часто слышал неведомые ему доселе звуки. Они были громкие, трубные и долго тянулись эхом над гарью. Это ревели лоси-рогачи, зазывая друг друга на турнир. Стояла пора лосино-го гона. И вот однажды у гаревых топей на вечернем закате Черныш повстречался с лосем. Огромный бык, ломая вокруг себя берёзовый молодняк, вышел на окраину гари, за которой простиралось болото. Глухарка, проквохтав, низко пролетела над болотом в глубь горельника. Лось остановился. Слушал. Словно ждал кого-то.

И вот из глубины перелеска, что окружал болото, раздался лосиный стон, послышался шум ломающихся под напором могучего зверя деревьев, чавканье болотной жижи под напористым шагом другого лося-быка. Тот уверенно шёл на поединок.

Рогач, взбивая копытом мшарину, отсыревший мох, шагнул навстречу сопернику.

Оранжевый закат гасил день. Заухала неясность, предвещающая наступление ночи. Млечная дымка остывающего воздуха тянулась над болотиной.

Низко наклонив могучие головы, лоси сошлись в поединок у самого болотного бочага-топи. Костяной глухой звук нарушил тишину вечерующего леса. Ни один из лосей не желал уступить другому. Лоси, словно две глыбы, стояли друг против друга, сцепившись рогами, низко опустив головы. Тяжёлое дыхание лосей наводило страх. Казалось, что сама земля дышала под копытами рогачей.

Черныш, припав на лапы, смотрел за происходящим, затаившись у выворотня старой сосны. Иногда он поднимался и вприсест наблюдал, как мерились силой сохатые. Зыбкая болотная масса вскипела под копытами дерущихся лосей. Крепко-накрепко сомкнулись их рога. Чернышу казалось, что лоси больше никогда не разомкнут свои рога, так и останутся навсегда в этом болоте. И в какой-то момент один из лосей взял верх над соперником, едва не свалив его. Победённый лось отступил в сторону и удалился.

Сумерки сгустились над лесом, когда поединок закончился. Рогач-победитель вышел на кромку гари и тут увидел Черныша. Но пыл борьбы в нём всё ещё не остыл.

В несколько шагов разъярённый лось оказался у того самого соснового выверта, где таился Черныш, склонил горбоносую голову, увенчанную грозным оружием — рогами-лопатами, — и ударил корни мёртвой сосны рогами. Черныш, взвизгнув, отскочил в сторону и скрылся в густоте молодого берёзового подроста. Отбежав, он остановился и слушал, как разъярённый бык ломал рогами высушенное корневище сосны. Его страшный стон расплывался по лесу раскатистым эхом, заставляя поскорее уходить от опасного места.

На небосводе вспыхнул звёздный ковёр. Растущая луна развернулась рожками к востоку, и её тусклый ленивый свет едва скрывал звёзды.

* * *

В одну из самых трудных зим стая делала большие переходы. Снега было много, и волки, утопая по брюхо в рыхлой снежной пелене, старались чаще выходить на наезженные лесовозами дороги, проходя по ним значительное расстояние. Где бы ни появлялась волчья стая, о ней сразу узнавали в окрестных деревнях. То охотники натыкались на волчьи тропы, то припозднившийся в вечерку путник примечал на просторе поля волчий силуэт, а то и мёртвая тишина деревни настораживала — знать, волки появились.

И вот однажды набрёл на волчьи следы один местный охотник. След был свежий. Волки прошли перед самым рассветом. Лайка, плотно прижавшись к ногам хозяина, наотрез отказывалась идти в лес, скулила, тревожилась. Сначала охотник не понимал, в чём дело, а как только вышел на волчий переход, то сразу понял, что идти с собакой дальше нельзя.

Волки могли лечь в низине, ближе к речному руслу. Место там труднопроходимое, молодой березняк с осинником запленили весь речной берег. Когда-то там рос сосновый бор, но его уже много лет тому назад свели подчистую. Не одну зиму гремела там лесорубочная техника, пока не обезлесили весь правый берег реки.

Не чувствуя опасности, стая остановилась на днёвку именно там, где и предполагал охотник.

Заснеженный лес молчал. Его тишину нарушала только пара хохлатых синиц, суеющихся в еловом подросте, да постукивание дятла на своей кузне.

Выбив в глубоком снегу лёжки, волки залегли, свернувшись мохнатыми серыми клубками. Они не знали, что в деревне, которую они миновали ночью, пройдя краем поля, уже собираются на волчью травлю охотники. Наскоро был сделан оклад с ярко-красными флажками, нанизанными на шёлковую верёвку, плотно накрученную на деревянные катушки. Охотники собирались уже завтра расправиться с волчьей стаей.

Сытые волки мирно дремали в тишине зимнего леса. Здесь, у деревни, они хотели задержаться на некоторое время. Волчица не зря привела сюда стаю — за деревней находилась колхозная ферма.

Поскрипывая лыжами, охотники протаривали по рыхлому снегу окладной путь. Охотники-окладчики шли в разных направлениях, и у каждого за плечами была огромная катушка с красными флажками. Яркими языками красовались они на белом снегу, и было в этом что-то устрашающее, неестественное для этой белизны зимнего леса. При каждом дуновении ветра клочки кумача начинали трепыхаться и становились похожими на языки пламени.

Охотники спешили. Оклад нужно было довершить до темноты. Зимний день короток. Оклад делали вслепую, наугад, боясь с каждым шагом наткнуться на выходной волчий след. Когда пути сомкнулись, люди облегчённо вздохнули. Волки в западне!

На рассвете волки слышали в лесу шум. Люди кричали, свистели, били по деревьям палками. Голоса были слышны со всех сторон, они окружали, наводя страх и ужас. Нужно было уходить. Черныш, находящийся в стае, пошёл следом за матерью.

Первой на флажки наткнулась старая волчица. Она остановилась в нескольких метрах от линии оклада. Затихла. Не единожды попадавшая в оклады, она знала, что охотники где-то рядом. Волки, следовавшие за ней, затоптались на месте, заскулили и начали разбредаться в стороны. От флажков тянуло человеческим запахом. Идти вперёд было нельзя, и волчица на-

рыском пошла вдоль оклада, прикрываясь мелятником — низкорослым, путаным березняком, уводя за собой волков. Черныш шёл четвёртым. Он хорошо чувствовал чуждый для него человеческий запах — запах врага.

В какую бы сторону ни шли волки, флажки были повсюду. Волки пытались вырваться из оклада, спустившись в болото, но и там их остановили красные флажки.

Вскоре послышались выстрелы. Один, второй, третий... Они были похожи на хлопки, едва возникающие и тотчас гасимые заснеженным лесом. Волки заметались. Для многих из них в этот зимний день часы жизни были сочтены. Никто не знал, в каком месте вдоль линии оклада находятся охотники-стрелки. Черныш видел, как, споткнувшись от выстрела, упал в снег его сородич — волк-переляк, второй год ходивший в стае. Он, словно подкошенный, ткнулся мордой в снег и, не издав ни звука, забил задними лапами в предсмертной агонии.

Второй выстрел предназначался для Черныша. Промач. И картечь тупо ударила в дерево, возле которого стоял Черныш. Смерть миновала его на этот раз. Черныш быстро сообразил, что нужно держаться подальше от линии флажков, там нет охотников. Так, природная смекалка подсказала ему уйти в глубь леса и там затаиться.

Загонщики прошли совсем рядом с Чернышом, затаившимся у огромной ели, переживавшим, когда закончится это страшное утро. Но он ещё не знал, что из всей волчьей стаи в живых он остался один. Погибла от картечи и его мать. Для Черныша начиналась новая жизнь — жизнь волка-одиночки. Приближающаяся ночь была для него не просто ночью новой жизни, а новым временем, в котором только он один был за себя в ответе. А впереди была ещё зима, в которой нужно было суметь остаться в живых.

* * *

В конце февраля наступил перелом зимы. Всё чаще и чаще с небосвода сходила надоедливая хмарь, выглядывало солнышко, снега закрупились и начали оседать. Лес словно просветлел, напитавшись ярким солнечным светом. Частыми стали капли, и даже вьюги, нет-нет и налетавшие на лес, уже не могли перебороть того весеннего настроения, которое царило в природе. Свадебные пируэты воронов, задорное пересвистывание больших синиц — всё это говорило о том, что весна не за горами.

И он встретил её. Встретил неожиданно на берегу реки, где жил в ту самую трудную для себя зиму одиночества и куда он вернулся после своего ухода.

Был серый день. Даль утопала в сизовато-лиловой дымке.

Она пришла к незамерзающему ключу. Это была молодая двухгодовалая волчица. Стая, в которой она зимовала, к весне распалась. Волчьи пары ушли подыскивать себе логово. Разбрелись и молодые волки. Волчица долго бродила по руслу реки, уходила в лес, с неделю кормилась возле туши павшего зимой лося.

Увидев друг друга, волки, прежде чем приблизиться, некоторое время стояли неподвижно. Волчица, слегка оскалившись, остановила Черныша, готового было броситься к ней. Шерсть на холке волчицы вздыбилась. Черныш отступил. Он несколько раз обошёл её по кругу. Его даже не интересовал выскочивший на русло реки заяц, который, увидев волков, опрометью бросился в сторону леса.

С полчаса крутились волки на месте своей встречи, изучая друг друга. Потом ещё долго шли рядом, бок о бок, пока тропа их не выправилась.

Выбирая себе подругу, Черныш искал не просто сильную и молодую, красивую волчицу, будущую мать семейства и его детей, но и спутницу на всю жизнь. Так уж природа создала волков, что семьи они создают лишь один раз и на всю жизнь и спутников никогда не меняют, а лишившись их, всю оставшуюся жизнь ходят одиночками. В этом-то и есть отличие благородной

волчьей породы от породы дворняжьей, породы тех самых собак, что являются вечными волчьими врагами.

На озёрах отошёл от берегов лёд, а реки уже вовсю шумели бурным потоком талых вод, принимая в себя десятки, сотни больших и мелких ручейков, бегущих из леса.

Черныш ни на шаг не отходил от волчицы. Теперь они были вместе. Вместе дневали в глубине лесного завала. Черныш всегда первым подпускал волчицу к пище, заботливо охраняя её спокойствие. Иногда их можно было видеть бегущими береговой кромкой реки. Случалось, что Черныш, забегая вперёд волчицы, игриво припадал на передние лапы, словно пытался остановить свою спутницу, а затем вновь устремлялся за ней. Временами он даже умудрялся лизнуть её в нос своим шершавым языком, и волчице это нравилось. Она охотно принимала ухаживания Черныша. Она жмурилась, плотно прижимая к голове уши, вытягивала шею, что означало высшую степень доверия к избраннику.

Недолго длится пора волчьих свадеб. И как только полным ходом пошли талые воды, молодая волчья семья подыскала себе логово — в излучине реки, где русло поворачивает вправо и где вплотную к воде подступает хмурый еловый лес.

В поисках логова волчица уходила в глубь леса, увлекая за собой Черныша, и вновь возвращалась к реке, обследуя береговую поросль. Черныш следовал по пятам. И вот волчица заметила одиноко растущую среди прибрежного ельника сосну. Её корни сильно оголила река, вымыв из-под них песок. Много лет под этими сосновыми корнями, раскопав нору, выводила

свое потомство лисица, но потом почему-то бросила её. Вдоль реки сновали крикливые кулички, присаживались трясогузки, шумел птичьими голосами прибрежный лес.

Всего за сутки волки раскопали лисью нору и устроили в ней своё логово.

В пору, когда бурно зацвёл орешник, молодая волчица оценилась девятью слепыми волчатами.

Черныш слышал, как умиrotворённо поскуливала в логове волчица, обласкивая родившихся щенков.

С появлением волчат жизнь волчьей семьи изменилась. Волчица стала несколько агрессивной, скалилась на Черныша, не подпуская его к волчатам. Его уделом было приносить к логову добычу.

* * *

Лето выдалось засушливым. Дожди шли редко, и волков от жары вырочала река. Несмотря на то что вода в реке сильно спала, её русло всегда оставалось полным.

Река утоляла жажду, а также спасала от изнурительной жары, волки купались в ней, заходя в прохладную стремнину по брюхо.

В пору, когда зардели поспевающие рябиновые гроздья и забронзовел папоротник, у волчат началась пора взросления. Они крепили. В их осанке проявилась природная волчья стать. Ещё месяц, и они, волки-первогодки, воьются в большую волчью стаю, где свои законы, где всё подчинено главной задаче — выжить в суровое время зимы.

А для того чтобы выжить, нужно было учиться. Учиться охотиться, уметь быть ловкими и сильными, но самое главное — быть чуткими и осторожными.

Часто вечерами волки выходили к реке. Было ещё тепло, время комариной поры уже отступило, и было приятно понежиться в прохладе проточной речной водицы. В угасающем дне на закате в реке играли караси, бились в заводях крупные щуки. Иногда к воде выходили быки-лоси с огромными рогами-сохами, и их призывный стон долгим эхом тянулся по простору. Лоси заходили в воду по грудь, жадно пили, отфыркивая горбоносою мордой воду.

Волчата, замерев, смотрели на свою потенциальную добычу. Но сейчас лоси были не для них. У лосей был гон, и попадись на пути несмышлёный волчонок, попросту погиб бы под копытами и рогами грозного зверя.

По склонам реки красными бусинами блестела сочная брусника, и волчата с удовольствием поедали её. Случалось, что волкам на обед попадалась зазевавшаяся в заводи щука, и тогда наступало настоящее пиршество. Но рыбы, конечно же, на всех не хватало, и тогда начиналась борьба за добычу. Это была игра, в которой воспитывался нрав дикого зверя.

Волчата росли быстро, из девяти родившихся поднялись все. Зачастую ночами при луне они начинали перекличку — завывали каждый на свой лад. Им вторили Черныш и волчица.

Ночное эхо подхватывало волчий вой, и этот ночной концерт серых хищников разносился по всей округе. Его слышали и в деревне, что была на правом берегу реки, за лесом. В деревне говорили, что это волчий выводок «мостит» голос, так волки учатся «разговаривать» между собой. Это были голоса новой волчьей стаи, которой предстояло жить рядом с человеком.

Однажды эту волчью разноголосицу слышал один рыбак, что удил лещей на донных омутах реки. Он безошибочно определил место, откуда доносились волчьи голоса, и рассказал знакомому охотнику из города о волчьем выводке, что живёт у реки. Вскорости они отправились к месту, где должны были находиться волки.

Стоял ясный августовский вечер. Над рекой проносились, свистя крыльями в полёте, стайки быстрокрылых чирков, изящных свиязей, валопливых крякв.

На заходящем, синем с проседью небе уже наклонились первые звёзды. И в какой-то момент над округой вновь потёк волчий вой.

Охотники выяснили, что волки очень часто выходят к реке, да и днюют где-то рядом. И пока взрослые волки на охоте, молодняк держится в одиночку.

В один из дней охотники, вооружившись и взяв вобу — берестяную трубу, имитирующую голос волка, отправились на речной берег. Был полдень. Глухарь, летевший с брусничника, завидев людей, свернул в сторону и скрылся за излучиной реки. Ястреб-тетеревятник, сделав круг над рекой, выправился в полёте и потянулся краем реки, всё снижаясь и снижаясь, покуда не сел на изломанную ветрами сухую ель.

Охотники присели на сосновый кряж, вынули из рюкзака вобу. Некоторое время они молча слушали лес. Было тихо. И тогда тишину леса нарушил звук вобы. Протяжный, тоскливый волчий вой, издаваемый ею, потянулся над рекой и лесом. Замолкая на секунду-другую, берестяной вой повторялся вновь и вновь. А потом, бросив вобить, охотники стали внимательно прислушиваться.

И вот из глубины леса донесся ответ. Это были голоса волчат, откликнувшихся на звуки вобы. Им казалось, что с охоты возвращаются их родители-волки и дают знать о своём подходе. Волчата заспешили навстречу Чернышу и волчице. Они не чуяли подвоха, не знали о том, что идут на верную гибель. Они шли к родителям-волкам, где их наверняка ждала пища.

Голоса спешащих волчат были совсем близко. Ещё несколько минут, и волчата должны были выйти на верный выстрел.

И вдруг ни с того ни с сего на вершину осины села сорока. Её неугомонная стрекотня залила округу. Сорока видела охотников, возможно, и самих волчат, спешащих на «обман». Она стрекотала, вздёргивая свой смоляной, с зеленоватым отливом хвост, суетясь, слетала на нижние ветви осинника и вновь поднималась на самую маковку дерева.

Наделав шума, сорока улетела прочь. Сколько больше ни вобили охотники, волчата не откликнулись. Заслышав сорочью суету и разгадав птичий язык, они ушли прочь.

* * *

За робкими утренниками ударили крепкие морозы, и земля, напоённая дождями, сделалась словно каменной. В одну из ночей выпал снег, и пронеслась над полями мёртвая пороша. Волки четверо суток не снимались с места. Отлѣживались в лесном овраге, запорошённые снегом. Лес в одночасье стал мертвенно-белым. Его заволокла тишина, и даже было слышно, как при малейшем дуновении ветерка шуршит отслоённая молодая кора на стволе сосны. Так начиналась ещё одна из многих пережитых Чернышом зим.

Черныш и волчица по-прежнему вели стаю. Вчерашние волчата внешне уже мало чем отличались от своих родителей. В них ещё не было крепости матѳрого волка, но для этого должно было пройти время, чтобы молодые волки набрались силы и смелости, стойкости в борьбе за жизнь в дикой природе. И даже теперь, когда они стали полноправными членами стаи и строго соблюдали её законы, они по-прежнему ещё оставались неопытными.

Как только закончился листопад, потянулись лоси со своих летних пастбищ на места зимнего отстоя, уходя за многие вѳрсты. Для волчьей стаи лоси зимой были главной добычей. Вслед за сохатыми стали уходить в глубину лесных чащоб и волки. Так было легче прокормить стаю, дожидаться весны и вновь вернуться в свой родной лес для воспитания потомства.

Стая покорно слушалась Черныша и волчицу. Даже те волки-чужаки, которые были приняты в стаю во время переходов, чувствовали силу и мощь Черныша и его спутницы. Ослушаться Черныша в охоте означало погибнуть. Так, забыв про осторожность, погибли от кабаньих клыков четыре прибылых волка.

Зима была испытанием для волков. И это испытание выдерживали не все. Не все серые хищники доживали до первого тепла.

Но главным врагом волчьей стаи был человек. Наткнуться на людей с ружьями можно было где угодно, и это представляло смертельную опасность. Путь стаи частенько пересекал след охотничьих лыж, и Черныш лишь по свойственному ему внутреннему чутью определял, как далеко от этого места ушёл его кровный враг — человек.

За тревожные годы своей жизни Черныш научился избегать встреч с людьми. Они оставались для него лютыми врагами. Лес же был его домом, и человек, вторгшийся в лес, мешал волку, превращая его жизнь в испытание.

Когда человек оказывался рядом, Черныш всегда старался уйти незамеченным. Иногда случалось так, что Черныш затаивался и смотрел вслед уходящим людям, так и не узнавшим о том, что они находились рядом с волком.

* * *

В пору ярких снегов и крепкого наста, когда начинали барабанить по сусинам пѳстрые дятлы и лаять лисицы, волчья стая распадалась. Волки парами уходили в места, где из года в год было их логово. Те волки, которые не имели пары, обретали её в эту пору.

Весна тогда закисла, затянулась непогодой. Сырая позёмка изо дня в день накрывала леса и поля, запорашивая нахоженные тропы. По ночам морозы прижимали снег к земле, образуя некрепкий наст, ходить по которому было очень трудно. Острая ледяная корка в кровь резала подушечки волчьих лап. Самые удобные тропы в это время — санные зимники. По ним люди возили в деревню спиленный лес и из дальних лесных лугов — стога сена, что простояли всю зиму. Днём по зимнику было ходить опасно, и Черныш с волчицей выходили сюда лишь в предзакатный либо ранний утренний час, собираясь на охоту. Чуткий слух позволял Чернышу и его подруге улавливать малейшую опасность, и тогда волки резко сходили с зимника, хоронясь в лесу, пока опасность не минует.

Там, где однажды Черныш с волчицей сошли с санного пути, их след заметил один деревенский житель. Несколько дней подряд по утрам стал приходить он на зимник, высматривая волчью тропу, додумывая, где можно понадежней выставить ради забавы волчьих капканы. А вдруг попадутся! Пospорил он с соседом по дому, что принесёт ему во что бы то ни стало шкуру волка на шапку. А тот ему в награду оплатит по весне картофелем-сеянцем.

На краю старой лесной вырубki Черныш с волчицей всегда сходили с зимника и отправлялись медленным шагом к реке, где охотились на бобров.

Капкан был поставлен на тропе, под волчий след. Охотник осторожно, отступив на пару шагов от волчьей тропы, подкопав лопатой под следом лунку, выставил туда капкан со стальными скобами-дугами, предварительно разложив их в стороны. Капкан крепкой цепью скрепил с чурбаком, который бросил недалеко от тропы.

В тот вечер ничего не предвещало беды. Также на маковках берёз, растущих с краю поля, сидели тетерева, подлетевшие на ночёвку. Сырой снег уже

не давал возможности им укрыться в белоснежной пелене. По утрам в мелколесье уже было слышно яростное тетеревиное бормотание, гордые птицы, почуявшие весну, положили начало току.

Лисица, пробежавшая кромкой поля, оставила после себя ровную цепочку следов. Черныш с волчицей видели удаляющегося от них лисовина, который, заметив волков, нервно оглядывался, останавливаясь на считанные секунды. Хриплый лай лиса долго слышался в затихающем к ночи лесе.

Над заснеженным полем пролетел ворон. В кронах одной из огромных сосен ворониха устроила гнездо и уже вот-вот должна была отложить первую кладку.

Ворон приметил с дерева волчью пару, идущую по зимнику. Волки почти всегда появлялись на зимнике в одно и то же время. Они не спеша шли друг за другом. Останавливались. Слушали лес, поле и вновь шли дальше.

Первой шла волчица. Она не обратила внимания на лежавший у тропы сосновый чурбак. Такие чурбаки частенько встречались на зимних дорогах. Они падали с лесовозов, везущих дрова. И этот чурбак был обычным, свежеспиленным, и от него терпко потягивало смоляным духом.

Капкан словно вынырнул из-под снега. Выбивая стальными скобами снежную пыль, он с металлическим лязгом ударил по задней правой ноге волчицы. От резко возникшей боли волчица осела, завалившись на бок. Заскулила. Извернувшись, попыталась несколько раз вцепиться острыми зубами в мёрзлую сталь, остановившую её на тропе. Скобы капкана крепко держали ногу зверя, больно врезавшись в плоть и кость. Снег под волчицей тотчас обогрился кровью. И чем больше билась волчица, стараясь освободиться, тем гуще окрашивалась алым снежная белизна.

Черныш, попытавшийся приблизиться к волчице, был остановлен её злобным оскалом.

Волчица несколько раз пыталась отползти от страшного места. Но и это не получалось — чурбак, врезавшись в сырой снег, накрепко держал зверя.

К полуночи подморозило. На чёрном бархате небосвода светились звёзды, и нежной туманной дымкой расчертил ночное небо Млечный Путь.

В деревне лаяли собаки, а в сосняке ухала неясить.

Всю ночь волчица пыталась освободиться из капкана. Грызла железо, порой вонзаясь острыми зубами в собственную ногу. Вытягивалась, стараясь во что бы то ни стало вырваться из западни. Но всё было напрасно. Силы покидали зверя. В конце концов она, обмякнув, вытянулась на снегу и, лишь изредка поднимая голову, смотрела на сидящего в стороне Черныша.

Черныш всю ночь не отходил от попавшей в беду спутницы, но был бессилен помочь. Оглядываясь по сторонам, он крутился возле своей подруги, и к утру весь снег вокруг был измят его лапами. Он ушёл лишь под утро. Оставаться больше было нельзя. Черныш в последний раз взглянул в угасающие глаза волчицы, обессиленной неравной борьбой. Волчица, не поднимая головы, неподвижно лежала на снегу. Она уже не видела, как уходил от неё Черныш, и лишь отдалявшийся хруст снега под его лапами говорил о том, что она остаётся одна.

Морозный утренник одел в иней лес. В залесках забормотали тетерева. На полевую закрайку выскочила тройка зайцев-беляков. Потопталась, слушая лес, и вскорости скрылась в ельнике. День просыпался с багряным солнцем, выкатившимся из-за глубины леса, расстелив свои лучи по мартовскому снегу.

Черныш вернулся на днёвку зимником, по которому ещё совсем недавно шёл с волчицей. Лёг у комля огромной ели, в том месте, где ещё прошлым днём они вместе отдыхали после охоты.

А в полдень до его слуха долетело приглушённое эхо оружейного выстрела. Вместе с волчицей погибли и не родившиеся в ту весну волчата, которых

Мастер золотого века голландской живописи:

ЯН ВЕРМЕЕР

Даниил Санкин

Ян Вермеер, Ян Вермеер Дельфтский (Jan Vermeer van Delft), был крещён 31 октября 1632 года в голландском городе Делфте, скончался и похоронен там же 15 декабря 1675 года. Вермеер — мастер бытовой живописи и жанрового портрета, один из величайших художников золотого века голландского искусства.

Он родился в семье предпринимателя, производившего шелк для портьер и обивки мебели, торговца картинами. Ян Вермеер был вторым ребёнком и единственным сыном в семье. 29 декабря 1653 года он был принят в гильдию Святого

Луки, членство в которой предваряли шесть лет обучения у мастера, состоявшего в ней. Считается, что учителем Вермеера был Карел Фабрициус, в свою очередь ученик Рембрандта. Также на его творчество и художественную манеру повлияли голландские мастера-живописцы Леонарт Брамер, Герард тер Борх и Питер де Хоох.

20 апреля 1653 года Ян Вермеер женился на Катарине Больнес, девушке из зажиточной католической деревенской семьи. По вероисповеданию Вермеер был кальвинистом, а после свадьбы принял католицизм. В их семье родилось

Вид города Делфта. 1658–1660

Искусство живописи. 1666–1667

15 детей, четверо из них умерли в раннем возрасте. Тёщя художника, в доме которой семья жила с 1660 года, оказывала им материальную помощь.

Ян Вермеер четыре раза избирался членом правления и много лет являлся деканом гильдии художников Святого Луки. Эта почётная и ответственная должность свидетельствовала о его ав-

торитете в Делфте. Он помогал своей матери управлять трактиром в Делфте, оставшимся от его отца. Уже при жизни художника за его полотна были готовы платить значительные суммы. Он никогда не писал на заказ и подолгу, около полугода, работал над каждой картиной. В отличие от многих художников у Яна Вермеера не было учеников.

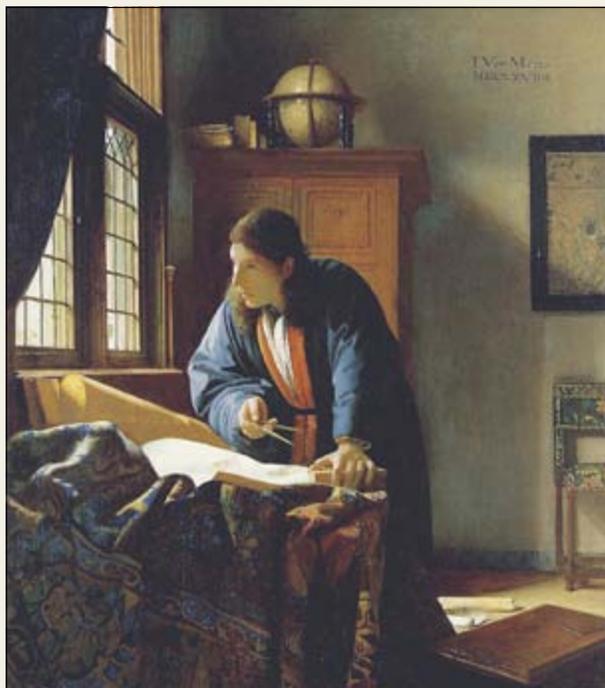
Улочка Делфта. 1658

Вермеер был экспертом в вопросах подлинности произведений художественного искусства. В частности, в Гааге вместе с художником Якобом Йордансом в присутствии нотариуса он опроверг подлинность предложенной за 30 тысяч гульденов курфюрсту Бранденбурга Фридриху Вильгельму I коллекции полотен.

Творческая манера Вермеера, его художественное мастерство ставят его в ряд выдающихся художников золотого века голландского искусства. Его полотнам свойственны классическая ясность и гармоничность, совершенство и выразительность пространственной композиции, тонкий и точный выбор цвета, прорисовка мельчайших деталей, мате-

У сводни. 1656

Географ. 1668–1669

матическая выверенность. Сюжеты его картин в основном бытовые, пейзажные, в раннем творчестве мифологические и религиозные.

Большинство его работ — тщательно прописанные композиции в интерьере с небольшим количеством фигур и несколько городских пейзажей. Среди картин Вермеера наибольшую известность получили характерные для его творчества «Офицер и смеющаяся девушка» (1657–1659, коллекция Фрика, Нью-Йорк), «Маленькая улочка» (около 1657–1661, Рейксмузеум, Амстердам),

«Вид Делфта» (1660–1661, Королевская галерея Мауритцхейс, Гаага), «Девушка с жемчужной серёжкой» (1665, Королевская галерея Мауритцхейс, Гаага), «Сводня», где в художник изобразил свою супругу и себя, (1665, галерея старых мастеров, Дрезден), «Мастерская художника» (1666–1667, Музей истории искусств, Вена), «Географ» (1669, Штеделевский художественный институт, Франкфурт-на-Майне). Наследие художника составляет 34 достоверно подлинные картины и 5 — предположительно. В нашей стране полотен Вермеера нет.

Служанка с кувшином молока. 1660

Офицер и весёлая девушка. 1657

она носила и которым дала бы жизнь, как только тронутся вешние воды и зацветёт орешник.

После смерти волчицы Черныш новой семьи не создал. Так уж устроена природа волка, что семьи они создают один раз и верны всю свою жизнь лишь одному спутнику.

Восемь суровых зим Черныш с волчицей водили стаю. Но как только погибла его спутница, он сразу же ушёл из стаи. Он был стар и хром. С той поры его зимняя тропа разошлась со стаей, и ему одному приходилось искать себе пропитание. Черныш скрадывал тетеревов на лунках морозными утренниками, изловчился давить зайцев на жировках — кормёжках. Иногда он, изголодавшись, выходил на след своей родной стаи и питался остатками волчьей трапезы. Черныш сторонился стаи, так как сам мог стать её жертвой. Голодные сородичи могли расправиться с ним. Теперь он частенько подолгу отлёживался в глуши ельника, и только сильное чувство голода поднимало его с лёжки.

Как и много лет тому назад, по ночам путь Черныша освещала одинокая луна, и на небе мерцали тысячи звёзд, среди которых была та, что первой поднялась на небосвод в час его рождения. Иногда волк неистово принимался выть, и его одинокий стон глушил заснеженный лес.

* * *

Ещё три года прожил в лесу Черныш. О неуловимом волке-одиночке, бродящем рядом с деревней, жители частенько вели на завалинке пересуды. Вот только выследить да подстрелить Черныша никак не могли даже заядлые волчатники! Сколько ни развешивали в лесу шёлковые флажки, а в охотничьи оклады попадались лишь молодые волки.

Черныш старался держаться поодаль от появляющихся в лесу новых волчьих стай. Был замкнут и осторожен. А на третью зиму его следы пропали. То ли ушёл в другие края, то ли окончил свою жизнь, отправившись в мир вечной охоты, где светила его счастливая Звезда, давшая ему чуть более десяти лет земной жизни.

КАМЕННАЯ РУСЬ

Россия издавна, с самых древних времён и почти до наших дней, была «деревянной». Дома, крепости, даже дороги и тротуары испокон века строились из дерева. Лишь в середине двадцатого столетия, когда крестьяне массами стали переселяться в города и «бесперспективные» деревни начали вымирать, число каменных домов превысило количество деревянных. Но и сейчас, когда строятся огромные бетонные башни, кое-где, даже в столицах, сохранились малоэтажные деревянные дома. Деревянной во многом остаётся и «провинция». Сейчас многим кажется, что такие жилища — признак бедности и остатки старины, которые нужно поскорее сломать и построить на их месте «современное» жильё. Но наши предки, которые по меньшей мере были не глупее нас, считали иначе. Дерево почитали повсюду не только из-за бедности. Деревянные дома строились даже в Пскове и на псковской земле, хотя природного камня там было в избытке.

Крайний запад Древней Руси, Псковское княжество, вообще можно назвать «Каменной Русью» в отличие от остальной, «деревянной». В окрестностях Пскова, Печорах, Изборске неподготовленный путешественник

будет удивлён тем, что даже сараи, коровники и заборы здесь сложены из камня — местного серого или жёлтого плитняка — не говоря уже о церквях и средневековых палатах. Из камня выстроены многокилометровые крепостные стены Пскова и Изборская крепость.

Особенно интересно разглядывать каменные арки ворот крестьянских усадеб и старинных церквей. Каждая имеет свой характер, и в то же время все построены в едином стиле. В Изборске и даже в маленьких деревнях мы снова увидим те же самые линии, тот же самый камень почти на каждой улице, почти на каждом дворе.

Кроме мягкого известняка, местные строители используют и природные валуны, умело обтёсывая их. В самом деле, кажется, что Псковщина — это каменная страна. Ведь отсюда два шага до Европы, которая гораздо раньше, чем Россия, переселилась из деревянных хижин в каменные жилища.

Но, присмотревшись внимательнее, можно заметить одну удивительную странность: вот стоит в крестьянском дворе каменный сарай, вот каменные ворота — а жилой дом при этом деревянный. Может, у хозяина не хватило денег, чтобы выстроить из камня ещё и дом? Но то же самое творится и

на соседнем участке, и на соседней улице, и в ближайшей деревне... Почему же все хозяева, как один, строили из камня второстепенные подсобные строения и даже заборы, но не использовали плитняк или валуны при постройке жилых домов? Ведь в той же Европе предпочитали возводить из камня в первую очередь жильё, а не сараи, однако в России происходило наоборот.

Ответ на этот вопрос мы найдём в книгах реставратора и архитектора Юрия Павловича Спегальского, который в 40–60 годы XX века изучал и реставрировал псковские древности. Он начал свои исследования Пскова ещё школьником, до войны. Вначале он заинтересовался средневековыми печными изразцами, потом увлёкся устройством старинных печей. Родители возражали против занятий, отвлекающих Юрия от учебы, и он поселился отдельно в заброшенном старинном доме, где продолжал изучать старину. К началу учёбы в институте Спегальский был уже высококлассным специалистом по архитектуре Древней Руси. Детальное и продолжительное знакомство со старинными зданиями позволило ему не только сделаться професси-

ональным реставратором, но и совершить несколько открытий.

К нашей теме имеет отношение одна теория Спегальского, касающаяся архитектуры средневековых псковских палат. Все, кто был в Пскове, наверняка их видели. В одной такой палате, которая называется Поганкиной по фамилии её владельца, знатного псковского купца, сейчас находится центральный городской музей. Впрочем, похожие палаты того же времени (речь идёт о XVII веке) имеются и в Москве.

Изучая архитектуру каменных (или построенных из кирпича) средневековых палат, а также быт их обитателей по старинным документам, Ю. П. Спегальский убедился в неожиданном факте: оказывается, эти здания дошли до нас не целиком. Это в общем закономерно, потому что город неоднократно горел и разрушался в ходе многочисленных войн. Удивительно другое — не дошедшие до нас верхние этажи каменных палат-хором были, скорее всего, деревянными.

На страницах своих книг Спегальский воспроизводит внешний облик этих палат. Это настоящие терема с высокими щипцовыми крышами, башенками, бал-

кончиками и гульбищами. Под разукрашенными деревянными этажами почти теряется монотонный каменный низ, хотя он и занимает два-три этажа.

Реставратор смог выяснить, для какой цели служило то или иное помещение. Он доказывает, что нижние, каменные этажи были, в сущности, не жилыми: в подвале находились склады с припасами и товарами, в первом этаже располагались лавки (магазины), выше принимали гостей в просторных столовых. А жили богатые купцы и их многочисленные семьи в верхних деревянных этажах — светлицах.

Вывод Спегальского опирается не только на особенности архитектуры псковских каменных палат, но и на многочисленные образцы русских крестьянских изб, у которых тоже часто на высоком каменном цоколе («подызбице» или «подклете» — месте для хранения запасов) ставилась деревянная хоромина. Так же выглядят и многие мещанские дома в старинных русских городах. Только в этих избах и городских домах каменная подклеть занимает лишь один нижний (или подвальный) этаж, а большие купеческие палаты строились с размахом. И в сущности, всё, что мы сейчас видим, — это уцелевшая подклеть.

Юрий Спегальский объясняет и причину, по которой даже богачи предпочитали спать и отдыхать в деревянных срубах, хотя имели все возможности построить своё жилище из камня целиком. Он пишет, что русские люди, и бедные и богатые, считали каменные строения неудобными, вредными для здоровья. Они считали, что в деревянных домах лучше дышится, легче спится. Поэтому-то, несмотря на постоянные пожары, средневековые русские города снова и снова строились из дерева. Даже в тех местах, где природного камня было в достатке и с ним умели обращаться.

Теперь мы можем объяснить и загадку крестьянских дворов, с которой начиналась эта статья. Хозяева строили из камня сарай и ворота потому, что камень был материалом «второго сорта». Крестьянин ещё мог поселить в каменное строение свою корову — но своё семейство он любил больше и поэтому строил для него деревянный дом. Так поступали на Псковщине все — и богатые купцы и бедные хлебопашцы, и мещане и крестьяне, и русские и «псковские эстонцы» — сето. Поэтому даже каменная северо-западная Русь оказывается на поверку тоже — деревянной.

Псковский кремль

Крепостная стена

Псков. Поганкины палаты

Изборская крепость

Мой любимый ПАРОВОЗ

РАССКАЗЫ

Юрий Пусов
Художник П. Любаев

Мы с Ленкой ходим смотреть на поезд. Это наше любимое развлечение. В нашем посёлке жизнь тихая настолько, что с восторгом встречаешь каждый новый листик рассады у мамы на окне. А когда приходит поезд — это событие. Даже взрослые стараются отложить дела и под каким-нибудь предлогом оказаться недалеко от станции в тот момент, когда огромный сильный паровоз подкатит к перрону свои гружёные вагоны. Это случается два раза в неделю. Во вторник он пролетает мимо, даже не сбрасывая скорость. Только погудит так протяжно, и не поймёшь, то ли восторженно, то ли грустно. Но от этого звука в груди вспыхивает восторг, и мы с Ленкой кричим в ответ, машем руками и прыгаем. Дядя Игорь, стрелочник, говорит, что так прыгать таким взрослым людям, как мы, неприлично. Но какие же мы взрослые? Мне шесть лет, а Ленке восемь. На замечания дяди Игоря мы всегда показываем ему язык, а он грозит нам пальцем и прячет улыбку в густых усах.

А вот в субботу поезд останавливается. На целых две минуты. И тогда дети стараются подобраться к паровозу и потрогать его хоть пальчиком. А взрослые отгоняют их и сердятся. Наверное потому, что им трогать паровоз неприлично, но тоже очень хочется. А паровоз стоит и слегка пытит. То ли оттого, что запыхался, шутка ли тащить за собой целый состав, то ли потому, что ему нравятся наши прикосновения. А машинист выглядывает из своего окошечка и курит трубку. Однажды он подозвал нас и кинул мне и Ленке по конфете. Конфеты были тёплые и растаявшие, но всё равно очень вкусные. Поэтому мы поняли, что дядя Толик хороший. И тогда я решился спросить:

— Скажите, пожалуйста, а паровоз живой?

Ленка хихикнула и толкнула меня в бок. Она бы такое не спросила. И я не

знаю, почему спросил именно это. Я ведь знаю, что паровозы строят люди на заводе. Но машинист вроде бы даже не удивился. Он прищурился, гордо кивнул, вытащил изо рта трубку и сказал:

— Конечно, живой.

— Как живой? Он же машина! — возразила Ленка и в доказательство постучала по железному боку паровоза.

— По мне, кто ест, тот живой, — ответил машинист. — А этот зверь столько угля съедает! Только успевай подбрасывать!

— Конечно, — кивнул я и многозначительно посмотрел на сестру. — Он ведь много работает! Папа после работы тоже много ест!

Машинист улыбнулся, и оказалось, что у него очень добрые глаза. Они загорелись, как солнышки, а в уголках образовались весёлые лучики морщинок. Тут на семафоре зажгётся зелёный свет. Паровоз выпустил целое облако пара,

загудел на прощание и двинулся в путь.

Вечером за ужином разговор продолжился с мамой и папой. Мама встала на Ленкину сторону и сказала папе:

— Не забивай детям головы! На свете и без сказок чудес хватает.

Папа не стал спорить, но подмигнул мне и сказал:

— Чудеса или сказки, называй как хочешь. А паровоз живой! В нём две тысячи лошадей!

— Не может быть! — воскликнул я.

Нет, я не сомневался, раз папа сказал, то так и есть. Но мне стало интересно, как столько лошадей помещаются в паровозе. Он, конечно, большой, но всё же не настолько. В нашей конюшне всего восемь лошадок, а она паровоза не меньше. А две тысячи даже представить трудно!

Весь остаток вечера я пытался себе представить паровоз, набитый лошадьми, и ночью мне приснился сон. Как будто я пришёл на перрон, а машинист вдруг открыл дверцу кабины и поманил меня к себе. Я поднялся, хотя было боязно. Паровоз-то всего две минуты стоит, а ну как возьмёт и увезёт меня. А машинист пропустил меня и показал рукой налево. Я посмотрел и увидел огромный зал. Стены его были железными, в заклепках, он был полон лошадей, а дальний конец его терялся вдали.

— Две тысячи лошадей, — шепнул мне на ухо машинист, потом глубоко затанулся и выпустил большущее облако дыма. Его клубы закрыли собой всё вокруг. А когда он рассеялся, я вновь оказался на перроне, а вдаль по рельсам убежал на лошадиных ногах наш паровоз.

Утром за завтраком я рассказал про сон. Папа улыбнулся и погладил меня по голове. А мама нахмурилась и сказала папе:

— Вот видишь!

— У Мишки богатое воображение, — ответил папа таким голосом, что я понял — это похвала.

— Весь в тебя, — сказала мама так, что я не смог понять, хорошо это или плохо. Но мне стало приятно, что я похож на папу.

Во вторник с утра мы с Ленкой снова были на станции. Я всматривался в даль, туда, откуда должен был появиться паровоз, и всё время думал о лошадиных ногах. Но паровоз прикатил как обычно на колёсах, и я даже немного расстроился. Зато в тот вторник он против обыкновения остановился. Машинист увидел нас и помахал рукой. Тогда я смело подошёл и хотел спросить про лошадей, но Ленка меня опередила.

— А как его зовут? — спросила она с таким видом, будто она учительница и спрашивает урок.

— Кого? — не понял машинист.

— Паровоз! Если он живой, то у него должно быть имя!

Машинист внимательно посмотрел на нас, мы так же внимательно на него. И тут вдруг он как расхохотался. И так долго хохотал, что зелёный свет зажёгся, а он всё не мог остановиться. Паровоз загудел, словно подхватил смех своего машиниста. И так они и укатили смеясь. А мы махали вслед, пока поезд не скрылся за холмами.

— Убедилась? — сказал я Ленке. — Он живой! Он Ерёма!

А в субботу поезд не приехал. Все удивлялись, пожимали плечами. Не дождавшись, возвращались к своим делам. А мы с сестрой остались.

— Может быть, он заболел? — предположила Ленка.

— Он приедет! — сказал я, до боли вглядываясь туда, где из-за леса появлялись рельсы.

И мы дождались. Приехал почтальон на дрезине.

— Вы ещё не слышали? — крикнул он, ещё не успев остановиться. — Расскажите всем! Поезд слетел в реку! Тут недалеко! Неужели не слышали?

Мы переглянулись и побежали. Так мы бежали лишь однажды, когда наша корова заболела и папа послал за ветеринаром. Нам тогда казалось, что каждая секунда дорога. Помню, мы так запыхались, что минут пять не могли и слова вымолвить. Ветеринар тогда посмеялся, сказал, что ничего страшного с коровой не случилось. Но я-то точно знал, что опоздай он хоть на минуту, случилась бы беда.

И вот теперь мы неслись вдоль рельсов. За лесом протекает река. Железная дорога проходит по самому краю крутого правого берега. «Только бы Ерёма не сильно пострадал! — думал я. — И лошади! Только бы его лошади не погибли!»

Ленка отстала. Она кричала мне, чтобы я подождал, но я не мог остановиться. Только когда я увидел разбитые и покореженные вагоны, наполовину утонувшие в нашей неглубокой реке, я на секунду остановился, поражённый, и тут же снова рванулся вперёд. Наверное, крушение было громким. Состав на скорости сошёл с рельс, перевернулся и рухнул в реку с десятиметровой высоты. Как мы ничего не услышали? Скорее всего, ветер был в другую сторону.

Ерёма лежал на боку. Нос его был смят в гармошку. Дым из трубы не шел.

«Лошади!» — мелькнуло в голове. И вдруг я их увидел. Много-много лошадей. Они плыли и выбирались на противоположный берег. Некоторые из них прихрамывали, но все они были живы. Я снова посмотрел на рельсы, пытаюсь понять, из-за чего произошла авария, и увидел машиниста. Он грустно шёл по рельсам, прижимая к животу правую руку. Я подбежал к нему.

— Как это произошло?!

— Рельсы старые.

— Как вы себя чувствуете?

— Ерёма меня спас, — ответил машинист. — Выбросил в последний момент перед падением.

Он обернулся, и мы оба посмотрели на останки паровоза. Тут и Ленка подбежала. Увидела, ахнула, глаза её тут же

слезами наполнились. И я вдруг тоже почувствовал, что вот-вот разревусь. Чтобы этого не произошло, я подбежал к берегу и стал спускаться. Берег крутой, каменный. Спускаться опасно, но не очень сложно. Когда до воды оставалось метра три, я прыгнул и поплыл.

Бок паровоза был ещё теплый. Я залез на него, сел и тоже заплакал. Одна из лошадей заметила меня и заржала. Я помахал ей рукой и утер слёзы. Но они снова выступили, подкатили к горлу, и я ничего не смог с собой поделать. Я вдруг ясно понял, что Ерёма больше никогда не приедет к нашей станции. Я лёг, обнял паровоз и разрыдался.

Вскоре на берегу стали собираться люди. Пришли все жители нашего посёлка. А позже, когда приехали инженеры и рабочие, по рельсам приехал большой кран, мне помогли подняться. Мама, папа и Ленка уже ждали меня.

— Знаешь, папа, — сказал я, не понимая головы, чтобы красные глаза меня не выдали, — наверное, лучше было бы, если бы Ерёма был просто машиной.

— Но он был не простой машиной, — сказала мама. — Посмотри, сколько людей пришли, чтобы проститься с ним.

— И лошади уцелели, — сказала Ленка. — Значит, его починят, и он ещё к нам приедет!

— Обязательно приедет, — сказал незаметно подошедший машинист.

И я ему поверил.

«САТИРЫ СМЕЛЫЙ»

Денис Иванович Фонвизин

Поскольку Денис Иванович Фонвизин происходил из рыцарского ливонского рода, давшего России несколько поколений служилых дворян, то вплоть до середины XIX века его фамилия писалась как Фон Визин, однако уже Пушкин считал, что лучше звучит «Фонвизин», так как писатель этот, по выражению Александра Сергеевича, «из перерусских русский».

Поскольку Денис Иванович Фонвизин происходил из рыцарского ливонского рода, давшего России несколько поколений служилых дворян, то вплоть до середины XIX века его фамилия писалась как Фон Визин, однако уже Пушкин считал, что лучше звучит «Фонвизин», так как писатель этот, по выражению Александра Сергеевича, «из перерусских русский».

Начало его жизненного пути мало отличалось от биографии сверстников, имевших дворянские корни: гимназия при Московском университете, а затем здесь же — философский факультет,

учёба на котором не особенно нравилась будущему писателю. Но вот пятнадцатилетним юношей он попадает в Петербург, — и с этого дня меняется вся его жизнь. Ещё бы, ведь здесь он познакомился с Михаилом Ломоносовым, с основателем Русского театра Фёдором Волковым и впервые попал в театр. Вот как он рассказывает об этом в своих воспоминаниях: «Но ничто в Петербурге так меня не восхищало, как театр, который я увидел в первый раз отроду. Играли русскую комедию, как теперь помню, “Генрих и Пернилла”. Тут я видел Шумского, который шутками своими так меня смешил, что я, потеряв благопристойность, хохотал из всей силы. Действия, произведённого во мне театром, почти описать невозможно: комедию, виденную мною, довольно глупую, считал я произведением величайшего разума, а актёров — великими людьми, коих знакомство, думал я, составило бы моё благополучие. Я с ума было сошёл от радости, узнав, что сии комедианты вхожи в дом дядюшки моего, у которого я жил».

С этой поры театр и книги стали главными его увлечениями, поскольку до написания собственных пьес дело ещё не дошло. Заметим, что любимым писателем его стал Руссо, французский философ, активно размышлявший о моральных ценностях в обществе. Вскоре появляются и собственные произведения, уже не лишённые «перца». «Весьма рано появилась во мне склонность к сатире, — вспоминал писатель. — Острые слова мои носились по Москве; а как они были для многих язвительны, то обиженные оглашали меня злым и опасным мальчишкой; все же те, коих острые слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезным и в обществе приятным».

*Здесь вижу мотовство, а там я вижу
скудость;
Куда ни обернусь, везде я вижу глупость, —*

подобные «вирши» быстро разлетались по гостиным, сами собой оставались в памяти. Многие принимали их за баловство ещё «не битого» дерзкого человека.

До поры до времени, говоря нынешним языком, Фонвизину даже везло. Он умудрялся и критиковать современное ему общество, и быть на хорошем счету у власть имущих, что в русской истории бывало нечасто. Более того, его литературная деятельность помогала и в служебной карьере. После перевода трагедии Вольтера Фонвизин был приглашён на службу аж к самому кабинет-министру Елагину.

Лояльное отношение к Денису Ивановичу, критиковавшему многое и многих, объяснялось просто: сама великая Екатерина состояла в переписке с французскими просветителями, и поневоле надо было сохранять перед Европой лицо. Правда, в конце концов её терпению пришёл конец, но об этом чуть позже. А пока Фонвизин приглашён к ней, царице, для чтения своей комедии «Бригадир», после чего он впервые узнал, что такое слава, поскольку еле успевал на подобные приглашения весьма важных вельмож. Писателя ставили вровень с Мольером, а постановка комедии в театре имела большой успех.

В «Бригадире» Фонвизин показывает, что самым главным в образовании и воспитании детей является собственный пример родителей, что, кстати, не потеряло актуальности и сегодня. Когда старшие в семье только пользуются трудами других, когда не считают истинное образование чем-то важным, — то и от детей не приходится ждать ничего хорошего. И сын бригадира, Иван, — весьма наглядное тому подтверждение. Фонвизину очень хотелось, чтобы многие из русских дворянских семей узнали себя и в то же время посмеялись от души.

И, конечно, самым ярким произведением Дениса Ивановича стала комедия

НЕ ДОРОСЛЬ, КОМЕДИЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Представлена въ первый разъ
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

Сентября 24 дня 1782.

Продается у Клоостермана, противъ адмиралшайства,
въ домѣ мещанскаго клуба. No. 106.

Въ Санктпетербургѣ,

Печатана въ вольной типографіи у Шнора.
1783.

«Недоросль». Есть у неё и своеобразная визитка-реплика Митрофана: «Не хочу учиться, хочу жениться!»

Видно, что родители стоят своего сынка, как и он их. «Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины», — рассказывает мать. И опять обобщение, ведь недоросли всех эпох мечтают, «лёжа на боку», — попасть куда повыше и денежней. Поистине, бессмертная комедия.

А вот и образец воспитания госпожи Простаковой своего сыночка. Учитель задаёт задачу: трое нашли 300 рублей, сколько достанется каждому, если разделить поровну? Митрофан долго чешет в затылке, а мамаша подсказывает:

«Врёт он, друг мой сердечный. Нашед деньги, ни с кем не делись. Все себе возьми, Митрофанушка. Не учишь этой дурацкой науке». А на экзамене, устроенном ему Правдиным (понятна неслучайность этой фамилии!), на вопрос, чем является дверь — существительным или прилагательным, Митрофан не моргнув глазом отвечает:

Д. И. Фонвизин на памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде

«— Эта? Прилагательна.

П р а в д и н. Почему ж?

М и т р о ф а н. Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит ещё не навешена: так та покамест существительна.

С т а р о д у м. Так поэтому у тебя слово дурак прилагательное, потому что оно прилагается к глупому человеку?

М и т р о ф а н. И ведомо».

Не случайно Виссарион Григорьевич Белинский писал: «Русская комедия... началась только с Фонвизина: его “Бригадир” и “Недоросль” наделали страшного шума при своем появлении и

навсегда останутся в истории русской литературы, как одно из примечательнейших явлений».

Воистину, Фонвизин премного сделал для просвещения общества, причём не ограничиваясь пьесами. Поскольку он не раз и не два выезжал за границу (во Франции, к примеру, знакомился с государственным и общественным устройством, встречался с известными деятелями, в том числе политическими), то вскоре имел свой взгляд на то, что надлежит в ближайшее время изменить в России, дабы не плестись в самом конце развития Европы. Кроме того, работая на родине в Коллегии иностранных дел секретарём, он вёл обширнейшую переписку с российскими дипломатами за границей. Естественно, всё это способствовало очень высокому уровню его знаний, максимально расширяло кругозор, в том числе политический. И появилась его публицистика, которая насторожила «матушку» Екатерину. Подобный либерализм у себя под носом она не очень хотела терпеть и вступила в серьёзную дискуссию с Фонвизиним в журнале «Собеседник любителей русского слова» после опубликования своих «Записок касательно российской истории». А когда появилось замечательное «Рассуждение о непрменных государственных законах», которое предназначалось для будущего императора Павла Петровича, где Денис Иванович настаивал на улучшении судеб простого народа, на введение «фундаментальных законов», выполнение которых обязательно и для государя, — терпению великой Екатерины пришёл конец. И когда Денис Иванович задумал издавать собственный журнал «Друг честных людей, или Стародум» и уже подготовил ряд сатирических статей для него, власти поставили на этом проекте жирный крест так же, как и на «Всеобщей придворной грамматике» (1783 год), где были не лучшим образом показаны приближённые императрицы. Да вот, посудите.

«Придворная Грамматика есть наука хитро льстить языком и пером».

«Что есть придворная ложь? Есть выражение души подлой пред душою надменною. Она состоит из бесстыдных похвал большому барину за те заслуги,

которых он не делал, и за те достоинства, которых не имеет».

«Какие люди обыкновенно составляют двор? Гласные и безгласные».

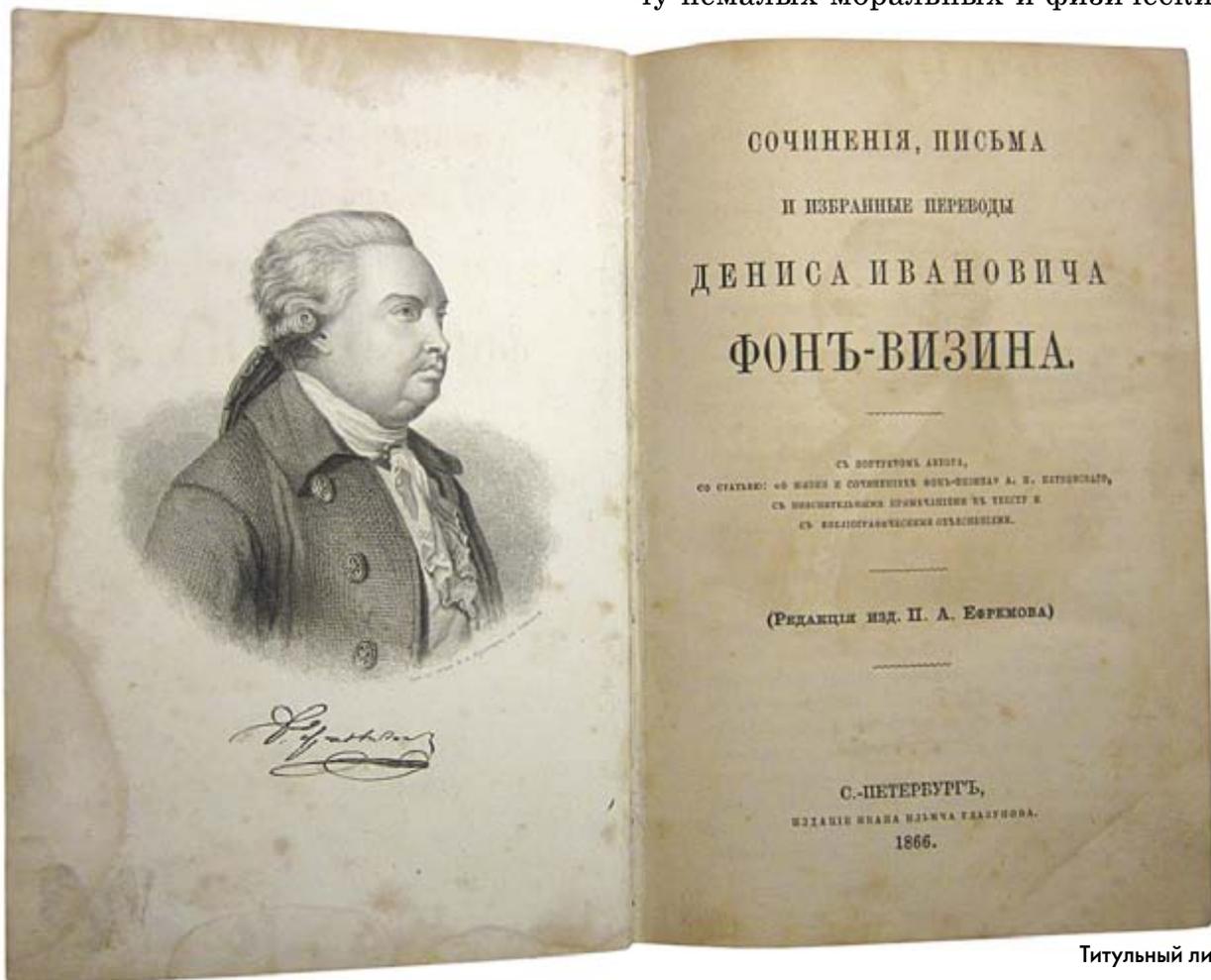
Интересно, что афоризмы Фонвизина и сегодня не кажутся очень старыми. И мы видим, как рисковал в своё время Денис Иванович — не только положением в обществе, но и головой своей.

«Имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время».

«В человеческом невежестве весьма утешительно считать всё то за вздор, чего не знаешь».

«В большом свете водятся премелкие души».

Постоянное противоборство с властью предрержащими стоило Денису Ивановичу немалых моральных и физических

Титульный лист

Времена-то не слишком деликатные были. И как тут не процитировать незабвенного Пушкина, который вспоминает в «Евгении Онегине»:

*«Там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,
И переменчивый Княжнин...»*

А теперь дадим слово самому Денису Ивановичу, его метким высказываниям, говорящим о таланте писателя и философа, чаще всего вложенные в уста героев его комедий.

«У кого чаще всех Господь на языке, у того чёрт на сердце».

страданий. В сорок лет он уже обладал «букетом болезней». Государыня с удовольствием подписала его заявление об отставке. Однако драматург продолжал работать, и вот уже — новый «сюриприз» от власти: издание собрания его сочинений оказалось под запретом. Он пытается всё-таки выйти к людям в своих воспоминаниях «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях», однако судьба не дала их закончить. И 12 декабря 1792 года он был похоронен в Александро-Невской лавре Санкт-Петербурга. Но память о нём — видном драматурге, политике, философе, всю жизнь пытавшемся научить современников мудрости и доброте, — никогда не потускнеет на скрижалях русской славы.

Светлана Вьюгина
Художник Е. Голомазова

Ворона на льдине

Наша речка от дома совсем недалеко. Вон за тем вот двухэтажным зданием детского садика.

*Тип-топ, тип-топ,
А медведь не остолоп!
Тик-так, тик-так,
А зайчишка не дурак!*

Споёшь двенадцать раз эту песенку — и ты уже на берегу речки.

Хорошо тут и зимой — среди белых сугробов, и летом — под пышными зелёными зонтами деревьев, и золотой осенней порой, да и сейчас, апрельским днём.

Иду по мягкому, пока ещё не зелёному бережку и смотрю на скользящую мимо воду, придумываю новую весёлую песенку...

Глядь, с дерева слетела большая красивая ворона и диво-дивное! — опустилась на небольшую белую льдину. Льдина плывёт, а ворона — на ней. Стоит, поглядывает по сторонам, чёрный клюв блестит на свету, глаз — то один, то другой — хитро посматривает на меня. Вот, мол, я какая смелая! Плыву по речке, ничего не боюсь, а ты попробуй-ка!..

Да куда уж мне в такое опасное плавание отправляться, я такой холодной воды боюсь!

А тут ребята из детского садика на прогулку вышли. Кто-то увидел ворону и закричал:

— Смотри, ворона на льдине плывёт!

— Ой-ой! Она же утонет!..

— Ворона!.. Ворона там!.. — кричат ребята своей воспитательнице.

— Утонет ворона! Утонет!..

Ворона покрутила-покрутила удивлённо головой и как каркнет:

— Вороны не тонут! Кар-р-р! Кар-р-р! Вороны!..

Взмахнула крыльями и полетела...

Я возвращалась домой и думала, что к завтрашнему утру надо непременно придумать песенку про смелую ворону на льдине.

А может быть, ребята, придумаем её вместе, а?..

Хорошая песенка получится!

Художник А. Мосалов

Стриж – птица 2014 года

Стрижи распространены по всему свету и живут во всех климатических поясах, за исключением холодного; встречаются также на различных высотах от морского берега до снежной линии. Они поселяются преимущественно в горах и городах, так как скалы и стены доставляют им самые удобные места для устройства гнёзд. Стрижи — лучшие летуны среди птиц. Чёрный стриж развивает скорость до 160 км в час. Большую часть своей жизни они проводят в полёте. За один день стриж может преодолеть расстояние до 1800 км.

*Еще не знойны дни, и вечера свежи,
Но птичьи голоса восторженны и страстны,
И в холоде небес безумствуют стрижи,
Пронзительно чертя невидимые трассы.*

Любовь Сирота

Мама Лида

Васин приехал рано утром ещё до восхода солнца. Воздух был влажный, терпко пахло хвоей и мхом. Он поднялся на пригорок. Туман низко стелился по земле, словно гигантское озеро, и на этой глади виднелись зелёные, чуть покачивающиеся макушки деревьев.

Васин закрепил мольберт, разложил краски и сделал несколько набросков. Туман нехотя уходил вниз, в овраг. Быстро поднималось солнце, ярко заливая землю красным пламенем. Постепенно открывался овраг с редкими ёлочками. Стали видны домики, окружённые садами, а неподалёку большое каменное здание и перед ним две берёзки.

«Где-то я это уже видел? — подумал Васин, — неужели я тут был?! Нет! Не может быть!» — и вдруг как обожгло — да ведь точно в таком же кирпичном доме прошло его детство. И берёзки растут как раз на том же месте. Васин даже вспомнил, как вырезал на берёзке своё имя, а потом воспитательница детдома заставила его обмотать деревце тряпочкой.

«Воспитательница... Лидия Ивановна. — Васин задумался. — Как она там?» Воспоминания вдруг разом нахлынули на него, возникая без всякой связи, вытесняя друг друга. Работать больше не хотелось.

«Как я мог забыть», — волновался он.

...Последнее письмо от воспитательницы он получил шесть лет назад. Она писала, что очень хотела бы повидаться с ним, что следит за его успехами. Но он в то время сдавал экзамены в художественном училище и на письмо так и не ответил. Потом поступил в институт. Жизнь со своими большими и маленькими заботами, огорчениями и радостями отодвигала прошлое всё дальше и дальше. Изредка, вспоминая воспитательницу, решал непременно написать и порадовать её, но так и не напасал...

И вдруг ему до боли захотелось увидеть свою воспитательницу, побыть в том до-

ме, где прошло его детство, дотронуться до тех берёзок...

«Завтра же беру билет и еду!» — решил он.

На следующий день он был уже в поезде. Глухо стучали колёса.

...Всё началось с той осени сорок первого года. В их родное село, где он жил тогда с матерью, пришла война. Как-то враз всё вдруг почернело, как бы состарилось. Эшелон машин, в которых их эвакуировали, попал под бомбёжку. Машины остановились. Ничего невозможно было разобрать в страшном грохоте. Люди бросались в сторону от машин. Мать с лицом, которое он никогда не забудет, отчаянно закричала:

— Беги, сынок! Скорее! Скорее! — И тут совсем над головой раздался свист падающей бомбы. Взрывом его подбросило вверх и сильно ударило о землю.

...В детдоме он долго в тяжело болел. Голова кружилась, ноги совсем не слушались. Целыми днями лежал с закрытыми глазами. Когда удавалось открыть их, он видел перед собой маленькую женщину, склонявшуюся над ним с тревожным вниманием. Лицо у неё было смуглое, доброе. Глаза огромные и блестящие.

— Хватит тебе на постели лежать, проказник, — шутила она, ласково улыбаясь, — пора с ребятами во дворе играть, — и теребила его волосы.

Мальчику было хорошо от этой ласковой руки и доброго голоса, чем-то напо-

минавшего мамин. И он попытался улыбнуться.

— Напугал ты меня... Напугал, — быстро говорила она, прикасаясь губами к его лбу, проверяя температуру, — а ты вон какой, оказывается, сильный, жить будешь долго.

Она ещё долго сидела, пока он не засыпал. Позже он узнал, что это его воспитательница Лидия Ивановна.

Каждый день с утра до самого вечера слышался её звонкий весёлый голос:

— Ребятки, умываться! Ребятки, обедать! А ну-ка, заниматься!

Только однажды после ухода почтальона она куда-то исчезла и долго не появлялась. Васин нашёл её в маленькой коптёрке, куда они сваливали разбитые стулья и столы. Она сидела за столом, уронив голову на руки, и беззвучно плакала. Рядом лежала маленькая серая бумажка с фронта, извещавшая о смерти её сына. После того дня она как-то сжалась, кожа на лице стала совсем прозрачной, щёки провалились. Огромные глаза казались ещё больше. Чёрные блестящие волосы за одну ночь стали белыми.

Судьба годами дарила ей радость, а унесла в один миг. О своём горе она никому не говорила. Видно, не хотела тревожить и без того израненные детские души.

Всю свою неистраченную материнскую любовь она перенесла на обездоленных детей. Дети были разные, но для всех у неё находилось тёплое ласковое слово, и детдомовцы называли её Мама Лида.

Удивительно она умела находить у ребят талант. И у Васина Лидия Ивановна нашла способности. Любил он рисовать, а краски в ту пору были редкостью. И вот как-то раз он обнаружил в своей тумбочке коробочку с красками. Ох, и радости было тогда!

Позже ребята рассказывали, что видели Маму Лиду на толкучке. Она поменяла свою белую с бахромой праздничную скатерть на коробочку красок.

Она всегда была в курсе всех ребячьих дел, в гуще всех детдомовских событий. Когда вязали носки и варежки «дли фронта», Лидия Ивановна незаметно помогала отстающим. А когда ездили в подшефный колхоз, она разметит всем делянки, и сама не только у каждого успеет поработать,

а ещё и свою долю сделает. И всё с прибаутками и смехом.

А дни рожденья, которые ребята порою сами забывали, она напомним и оделит самым сладким кусочком.

...Васин вспомнил и тот день, когда уезжал из детдома. Утром он подошёл к двери Лидии Ивановны и услышал её голос:

— Серёжа, заходи.

Просто удивительно, как это она узнавала ребят по походке.

— Дай-ка я погляжу на тебя.

Он послушно остановился перед ней.

— Большой ты какой стал.

Она улыбнулась, но глаза её оставались грустными. — На, возьми. Это тебе на дорогу, твои любимые плюшки. Бери, бери! — протянула она ему кулёк. Но он долго не решался взять его. Он знал, что эти плюшки Лидия Ивановна испекла из своего месячного пайка.

«Я-то каков! — Лицо Васина помрачнело. — Ведь она мне отдавала последнее!»

Как ненавидел он себя в эту минуту.

Поезд остановился. Васин схватил пиджак и выбежал из вагона. В палатке на платформе он попросил продавца показать самую красивую косыночку. Он вспомнил, что у Лидии Ивановны были огромные голубые глаза, которые детдомовцы ещё прозвали «блюдечками», и взял косынку с крупными синими горошинами.

— Эта подойдёт! — решил он и побежал в вагон.

...Васин глядел в окно и улыбался, представляя себе встречу с Лидией Ивановной.

За окном сгущались сумерки, мелькали далёкие огоньки. Васин то и дело подсчитывал, сколько километров ему ещё осталось проехать. Наконец, усталость взяла своё. Спал он беспокойно и только под утро крепко заснул. Разбудил его голос кондуктора, разносившего чай. Васин быстро по-солдатски встал. За окном по пыльной дороге, обгоняя друг друга, мчались машины. Каждая из них тащила за собой тяжёлый хвост пыли. А вот вдаль уже показался знакомый силуэт вокзала.

...Город почти не изменился. Всё было близкое, родное, и казалось, что он отсюда никогда не уезжал.

Волнуясь, Васин доехал до детдома, дом сиял белизной. Стёкла окон отражали солнце. Ему хотелось встретить свою воспитательницу неожиданно. Со счаст-

ливым замиранием в сердце Васин тихо повернул вертушку ворот. Во дворе было тихо, слышалось, как гудели пчёлы.

«Почему такая тишина, — подумал Васин. — Ах да, ведь сейчас послеобеденный сон».

Всё было как и прежде, только чище и наряднее. Он тихо поднялся на крыльцо. За дверью послышались шаги. Васин вытянулся, сделал по возможности серьёзное лицо, готовясь радостно крикнуть: «Бот и я!»

Но дверь открыла незнакомая женщина.

— Вам кого? — спросила она.

— Мне бы хотелось повидать Лидию Ивановну, — ответил несколько смущённый Васин.

Женщина как-то странно посмотрела на него, помолчала, а потом тихо сказала:

— Лидии Ивановны нет... Её неделю как похоронили.

Васина словно ударило.

— А вы кем ей будете? — спросила женщина, заметив перемену в его лице.

— Я... воспитывался у Лидии Ивановны, — еле слышно произнёс он.

— Что вы говорите! — воскликнула женщина. — Заходите, заходите, пожалуйста.

— Скажите, где её похоронили?

Женщина начала рассказывать, а Васин никак не мог поверить, что «Мамы Лиды» больше нет. Всё казалось, что вот сейчас откроется дверь, и она вбежит с радостным криком.

Наконец Васин начал прощаться.

Сторож показал ему могилку, усыпанную цветами. Васин положил рядом с цветами косынку и низко склонил голову. Долго стоял он так. Потом пошёл к воротам, в последний раз оглянулся и увидел, как от ветра трепетал краешек косынки.

У ворот сторож спросил его:

— Кого потерял?

— Мать!

Здравствуйте, друзья.

Меня зовут Денис Ефимов. Я учусь в 7-м классе в Британской Международной Школе № 5, город Москва. В школе я очень активный и принимаю участие во всех конкурсах и олимпиадах.

Тополь

Это дерево всегда теперь стоит у меня перед глазами. Его необыкновенную историю рассказал мне старый крестьянин в маленькой подмосковной деревне.

— Когда я был ещё совсем мальчишкой, — начал старик, — мой отец принёс мне с рынка маленький саженец дерева и сказал: «Вот это, сынок, саженец дерева. Это сейчас он такой маленький, но в скором будущем вырастет до гигантских размеров. Ты должен ухаживать за ним с любовью, как за животным. А за каждые новые десять сантиметров этого дерева я буду давать тебе по рублю». Эта идея мне понравилась, ведь на рубль я мог купить всё что захочу, а если накопить немного, то смогу купить себе Дымковскую игрушку! Саженец я посадил на солнышке возле нашего дома. Весь день я старался проводить у него, поливал, уговаривал поскорее вырасти. Иногда даже отказывался играть с мальчишками. Но однажды, выйдя на улицу, я увидел, что многие листочки на нём пожелтели и засохли. Позвал папу, маму, всё спрашивал у них, что же случилось с деревцем. А они мне сказали, что я слишком много поливал

его, и теперь деревце погибло. Расстроившись, я ушёл в свою комнату, где и провёл остаток дня. Но проснувшись следующим утром и подойдя к окну, я замер в удивлении: листочки вновь позеленели! Я захватил с собой деревянную линейку и побежал во двор. Когда я измерил рост деревца, радость просто захлестнула меня! Линейка показывала одиннадцать с половиной сантиметров. Обещанный рубль был у меня в кармане.

Через час я уже бежал домой с рынка с пряником в руках. С радостным воплем я пробежал мимо друзей, которые лишь с завистью смотрели мне вслед.

Примерно через полтора месяца саженец сильно изменился. Это было уже не просто деревце, а настоящее молодое дерево. Крохотный стебелёк, когда-то стеснительно тянувшийся к солнцу, покрылся первой тонкой корой и превратился в настоящий ствол. Крона дерева покрылась пышной зелёной листвой. Сколько раз я пробежал мимо друзей то с пряником, то с другими сладостями, а однажды даже с Дымковской игрушкой, сколько раз они завистливо смотрели мне в спину за эти полтора месяца.

И вот наступил тот день. Проснувшись ранним утром и подойдя к окну, я не увидел той прежней молодой коры. Той прежней зелёной шевелюры. Дерево выглядело страшно. Кора была содрана большими кусками и лежала тут же возле дерева, как и оборванные листья. Я не мог поверить своим глазам. Понять, кто это сделал, было не трудно. Лишь тогда я осознал свою ошибку, которую я совершил с друзьями...

С тех пор прошло много лет. Красавец тополь опять разросся, обтянулся свежей корой, зазеленел островерхой кроной.

Вот такая история произошла много лет назад в подмосковной деревне.

Изостудия «Вдохновение» создана в лицее № 15 г. Химки в 2002 году. За эти годы много детей разного возраста познакомились с основами изобразительного искусства, с разными техниками рисования. Участники студии принимали участие в детских конкурсах рисунка разного уровня и заслуженно побеждали в них.

*Руководитель изостудии
Карачевцева Анжела Павловна*

НАШ ВЕРНИСАЖ

1

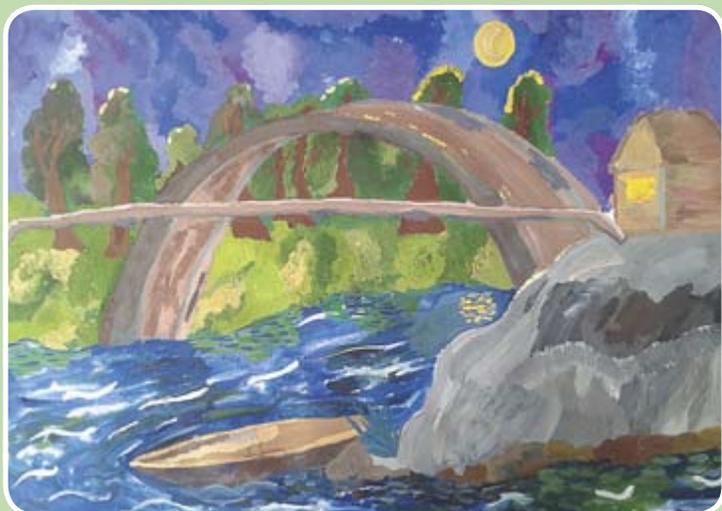
1. Жигульская Юлия, 10 лет, «Старые-старые Химки»
2. Кабицкий Святослав, 6 лет, «И снова осень...»
3. Чистякова Вика, 10 лет, «Химкинский мост»
4. Акимочкина Софья, 11 лет, «В ожидании чуда»
5. Тихомирова Алена, 11 лет, «Тихий вечер»

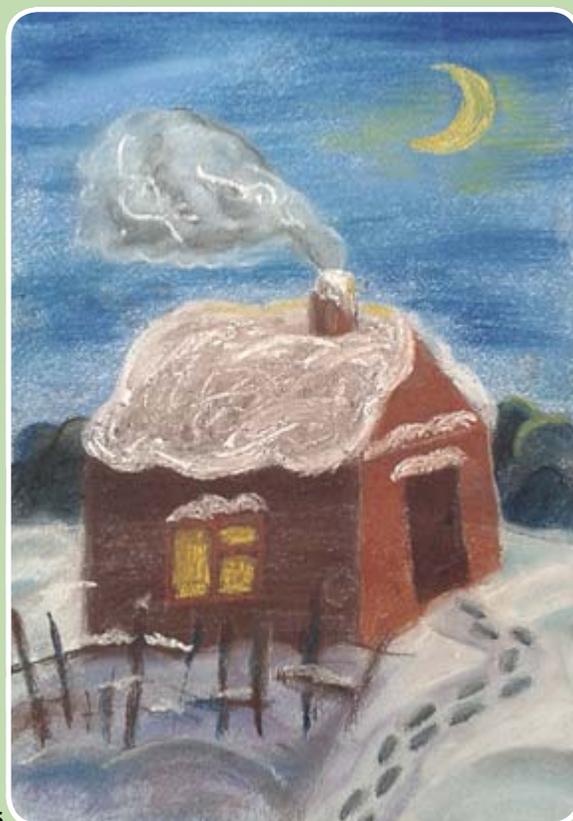
4

2

3

5

ПТИЦА ГОДА – СТРИЖ

Современники живописца высоко оценили в портрете девушки с жемчужной серёжкой талант Яна Вермеера, картина иногда представлялась как «Голландская Мона Лиза».

Ян Вермеер. Девушка с жемчужной серёжкой. 1660-е гг.

РАССКАЗЫ:
Мама Лида

БУХТИНЫ:
Ворона на льдине

РАССКАЗЫ:
Мой любимый паровоз